

18+

Вера Дмитриева

*Какое
длинное вчера*

Вера Дмитриева
Какое длинное вчера

<https://litres.ru/74155388>

ISBN 9785007024877

Аннотация

В книге «Какое длинное вчера» собраны произведения, написанные автором в 2024 — 2026 годах. Это своеобразный дневник в стихах, которые отражают состояние и самого автора, и окружающего мира.

Содержание

2024 год	6
Незримый собеседник	6
Ангелу хранителю	8
Сказки про любовь	10
Какое длинное вчера	12
Високосный февраль	14
Архангел Рафаил	15
Твори любовь	18
Великий пост	19
Раннее пробуждение	20
Сон, так, как приснился	21
Смертельная красота	23
Птицы вешние	25
Пасха	27
«Бессильные строки...»	28
Молитва	29
Летняя ночь	30
Колеблющийся мир	31
Улетающая осень	33
Напоследок	35
Ночь хищная	36
Оглушённые мысли	37
Аномальная жара	38

Светлая седмица	39
Птичий переполох	41
Три чувства	42
Всё в зелёном	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Какое длинное вчера

Вера Дмитриева

© Вера Дмитриева, 2026

ISBN 978-5-0070-2487-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

2024 год

Незримый собеседник

Вам снятся строчки? Это хорошо,
когда ночной покой ваш не тревожат,
и горести вам тяжких дум не множат,
и на вопрос: «Ну, как ваш день прошёл?»,
не требуют правдивого ответа.
Но нет, бухтит, иль пишет на стене,
не наяву, так достаёт во сне
забота теневого тет-а-тета.

Ты кто? Какою послан стороной?
Ты искушенье или испытанье?
Куда зовут безумные мечтанья?
Несёшь ты муки всем иль мне одной?
Как труден бесконечный разговор,
всё заново, как будто пишешь повесть.
А может, это исповедник-совесть
меж сердцем и умом творит раздор.

«Ты кто? Какою послан стороной?
Ты наказанье или искупление?»

Куда зовёшь, в цветенье или тленье,
в литавры бьёшь или звенишь струной?
А он подсунет строчку и молчит.
И что с ней дальше делать — неизвестно.
Я запишу, и, вот, что интересно:
через года строка вдруг зазвучит.

Ангелу хранителю

Ангел пролетел, и стало тише
на душе. Мой ангел, он со мной.
Не его ли крыл движенье слышу?
Не его ли тень за головой?
Не его ли голос успокоил
бурю, назревавшую в груди.
Ангел мой, я плачу у иконы,
ты не за плечом, а впереди.

Горизонт раскрыт, как чаша, вогнут,
дым кафельный облаком парит.
И свеча в твоей руке не дрогнет,
до скончанья века не сгорит.
Даже на мгновение боится
сердце потерять с тобою нить.
Ангел мой, учусь тебе молиться,
день и ночь с тобою говорить.

Ещё один на сердце шрам —
погас священный факел дружбы,
и я опять иду во храм

вне время службы.

Как днём он непривычно пуст,

от свечек и лампадок светел.

Мне б заказать сорокоуст...

за месяц третий.

Сказки про любовь

Мне снятся сказки про любовь.

А, может, и не сказки.

Во сне я погружаюсь вновь

в огонь любовной ласки.

Я на неё была скупа,

чего мне не хватало?

Да, молода была, глупа,

в других я снах витала.

Меня, то кони от дверей,

то яхты увозили.

Мне снился ненаглядный Грей,

бишь, Лановой Василий.

В роскошной шляпе, в сапогах,

любовь внушал он многим,

в рубашке белой, ох и ах,

под поясом широким.

Пускай не принц, а капитан,

но всех он принцев краше, —

и ум, и честь, и капитал,

жизнь — золотая чаша.

Но в жизни принц совсем не тот:

то яхта неказиста,
то не дозрел эдемский плод,
то терпко мне, то кисло.

А что теперь? Совсем бела,
болезнями томима.

Любовь, наверное, была,
но проскакала мимо.

А, может, не конец ещё?
Пускай в глазах двоится,
румянец соскользнул со щёк,
в душе-то я девица.

Какое длинное вчера

Глаз не сомкнула до утра
перебирая чётки ночи.
Какое длинное «вчера»,
а «завтра» с каждым днём короче.
«Сегодня» мне не уловить,
оно — сейчас, теперь и ныне,
но нет его. И жизни нить —
струна маэстро Паганини.

Гордыня жжёт, хочу сама
струну терзать, своё играя,
под управлением ума,
не думая о куцах рая.
Такие звуки душу рвут.
Те, что даны мне изначально —
прекрасны, и к себе зовут,
хоть и звучат порой печально.

Мелодия — то плеск ручья,
то снега хруст, и треск поленьев,
движеньё лунного луча
по тоненьким ветвям деревьев.
Скрипач чудесный ворожит,

но я и с ним веду сражение.
Струна, срываясь, дребезжит
и рвётся вдруг от напряженья.

Високосный февраль

Рубеж февральский.
Скрытых
два очень нужных дня —
украденных, забытых,
пристреленных коня,
которых так загнали
метели и мороз,
что их на перевале
сменить не удалось.
Все ж до весны дожили!
Не принеси невзгод,
упорный, семижильный
наш високосный год.

Архангел Рафаил

В сиянье изумрудных крыл
с напитком жизни в чаше
велик архангел Рафаил,
пред Богом «предстояше».
Он перед Троицей святой
сам молит о спасении
всех страждущих. Несёт покой,
надежду, исцеление.

И в наших горестных мольбах
о здравии телесном
он видит, как нас крутит страх
перед судом небесным.
На крик о помощи спешит
к тому, кто верит свято.
Он Рафаил — «Бог исцелит»...
Зови, он будет рядом.

Он охладит горячий лоб
и, тронутый слезами,
своим крылом коснётся, чтоб
унять души терзанье.
Товиту он открыл глаза,

Товию был он другом.
«Бог исцелит», — так он сказал,
и в том он сам порука.

Лёд острей металла
гребни волн срезал...
Словно кот сметану
дождь его слизал.
Лёгким и беспечным
стало всё вокруг,
что казалось вечным,
всё исчезло вдруг.

Дни зимы суровы,
давят, как клешни.
Белые сугробы
по весне ушли.
А куда, не знаю,
смылись, во, дела!
Горка ледяная
в речку утекла.

Думали: до лета
снег не разгрести,

и, должно быть, где-то
он занёс пути,
только в одночасье
был пронзён лучом...
Март, Ярило, счастье,
мысли ни о чём.

Твори любовь

Когда лежишь без сна,
то всё твоё вниманье
заиклено на том,
что в жизни всё не так.

Бессонница дана
для слёз и покаянья,
чтоб болью и трудом
убрать золу и шлак
из плачущей души
и алчущего сердца,
посеять зёрна слов,
чтобы взошло добро.

Когда лежишь в тиши,
то мысленно усердствуй,
молись, твори любовь.
Тебе это дано.

Великий пост

Свеча в гранатовом плафоне.

В потире кровь, а не вино,
и серебро на черном фоне,
как в небо звёздное окно.

Пост покаянием целебен:
светло молиться и рыдать.

А благодарственный молебен
до Пасхи может подождать.

Раннее пробуждение

Не помолилась, уснула —
снилась бесовская дрянь.
Тапки свернулись у стула,
спят в предрассветную рань.
Спит телефон, не мигает,
только часы на посту.
Как часовые шагают,
честь отдавая кресту.

Крест в полутьме серебрится —
древо с распятым Христом.
Перекрестилась... Не спится.
Скорбно Великим постом.
В сердце предчувствие бьётся,
тихо, но боль всё острей.
Утро вздохнёт, улыбнётся.
Все-таки утро мудрей.

Сон, так, как приснился

Листочек из тетрадки...

Штрихи ложатся ровно,
и возникает море,
огромное, как мир.

И южный ветер сладкий,
волн бесконечных рондо,
и в голубом просторе
лишь облаков зефир.

Но карандаш проворно
ещё черту проводит,
и над чертой, как будто,
кардиограммы строй.
Уже не так просторно,
не море — речка, вроде.
Тот берег — цель маршрута —
двумерный город мой.

И шепчет мне художник:
«Вот так, одной чертою
мы море сделать можем
покорною рекой.
Так, будьте осторожны,

у вас в глазах читаю
восторг, — миры, мол, множим
уверенной рукой».

Смертельная красота

Хорошо у Снежной королевы
в ледяном сияющем дворце.
Сверху лёд и справа лёд, и слева.
У меня снежинка на лице
и не тают. Холодно и тихо.
Слово «вечность» сложено давно.
Нет часов, и нечему здесь тикать,
но понять нам это не дано.

Ничего не может измениться
в бездуховной гулкой пустоте.
Не живут здесь ни цветы, ни птицы,
всё застыло в вечной мерзлоте.
Но однажды в светлом уголке,
где слегка подтаял снега слой,
появилась маленькая почка
на замёрзшей веточке сухой.

И оттуда не листок зелёный,
а шальной лазоревый цветок
брызнул, подарив мне, изумлённой,
аромата трепетный поток.
Думала, что от любви великой,

что в душе заиндевелой спит,
это чудо.

Глядь, то волчье лыко —
красота, что смертью всем грозит.

Птицы вешние

Апрель зазеленел чуть-чуть.
Оливковый прозрачный воздух
восторгом наполняет грудь.
И кажется ещё не поздно
пустить свои листочки в рост,
беря пример с кустов сирени.
Весна, идёт. Великий пост.
Свистят зарянки, как свирели.
Грачи вернулись и дрозды,
скворцы, о, как их чудно пение.
И в небе снова птиц кресты,
как Божие благословение.

Куда плыву, чего хочу,
о чём молю я Силы выси?!
Я не учу, и не лечу,
и не сужу чужие мысли.
Давно советов не даю,
поскольку очень мало знаю.
Перебираю жизнь свою,
порою путаю со снами.

А хочется не доживать,
а жить, любовь к Творцу лелея,
всё понимать и принимать,
и видеть свет в конце туннеля.
Мне маяка поможет луч,
когда отчаянно, неловко
среди штормовых лиловых туч
луны барахтается лодка.

Пасха

Батюшки на Пасху в красном одеянии.
Красное яичко я держу в руках.
Омывает душу дивное сияние,
то ли свечка красная, то ли Божий страх.
Исповедь, причастие, радость и тревога.
Сердце замирает, вопрошая вновь:
вдруг ты недостоин прикоснуться к Богу,
но отринь сомнения и впусти любовь.

«Бессильные строки...»

Бессильные строки
повисли, как жёлтые листья.
А как хорошо начиналось,
их строй зеленел.
Толкались до срока
метафоры, образы, мысли,
и солнце смеялось,
и день был прекрасен и смел.

И били стихи,
как пожарные струи тугие,
гудела строка,
напряжённая, словно струна.
Упрямы, лихи
были мысли, а ныне другие.
Одна ли руки,
с одного ли писала ума?

Молитва

Господь, даров всех прежде,
дай мне, молю я вновь,
лишь веру и надежду,
а я верну любовь.
Брожу в пустыне ныне я,
и на устах печать.
Прости моё уныние
и страхи, и печаль.

Дай мудрость и прозрение,
предупреди исход,
заботу дай, призрение,
возделай, дам я плод.
Всё выверну наружу
и вспомню все грехи.
Мне чистой сделай душу
и светлыми стихи.

Летняя ночь

Золотой фонарь погас,
полночь, тишина.
Удивлённый лунный глаз
зорко смотрит на
мир, очищенный дождём,
на вздохнувший сад.
После зноя капли в нём
на ветвях висят.

И деревья во дворе
в полуночном сне,
словно люстры в хрустале,
блещут при луне.
В голове такая муть!
После злой жары
можно выйти и вздохнуть.
Звёзды... комары.

Колеблющийся мир

В безмолвии лесном слышна едва
кукушка, что считает без запинки,
вдыхает ветер, да растёт трава,
да муравьи топчут по тропинке.
Колеблющийся нереальный мир
затягивает в сонную истому.
Но, вот, звенящий маленький вампир
вопьётся, и поймёшь: ты снова дома.

Кружева королевы Анны

Плела королева кружево —
трав и цветов сплетение.
рядом бряцал оружием
страж — из её сновидения.
С ним невозможно свидание,
так же и ужин званый.
Кружево — ожидание
для королевы Анны.

Стражник вдруг молвил слово,
вздроснула королева,
палец она уколола,

кружево заалело.
Гневно нахмутив брови,
Анна взглянула смело.
Кружево с каплей крови,
выбросить повелела.

И разлетелись нити,
в поле цветами стали.
Нет в королевской свите
стража, угодного даме.
А в поле цветы действительно
чисты и благоуханны,
изящны и обольстительны
Кружева королевы Анны

Улетающая осень

Когда ты никому не должен,
и сам уже не ждёшь оплат,
то жизнь идёт, как мелкий дождик
с осенним настроением в лад.
Не то чтоб было скучно очень,
но фейерверков больше нет,
и улетающая осень
в один конец даёт билет.

И рад бы в рай, да не пускают,
жизнь всё тревожней и новей.
И молодость лежит кусками
на блюде памяти моей.
И липкий страх, что не успеешь
понять, простить, сам не прощён.
И не цветёшь уже, не зреешь,
но плод не падает ещё.

И даже в храм идти не хочешь,
поскольку ноги не идут,
глаза не видят. Призрак ночи
тихонько накрывает тут.
Но, удивительное дело,

когда в последний монолог
включаются душа и тело,
то на мольбу ответит Бог.

Напоследок

А было, всё, конечно, было:
и дальней дали мощный зов,
надежда — чайка белокрыла,
и трепет алых парусов.

Сейчас остались сериалы,
там жизнь, а ты здесь не причём.
Не паруса, а раны алы,
но кровь уже не бьёт ключом.

Сижу, пишу, судьбу итожу,
растительный остаток дней,
Но он, чем меньше, тем дороже
всей даже юности моей.

Ночь хищная

Не лепятся мысли в слова,
слова не сливаются в строки.
Ночь хищная, словно сова,
пытается выпить все соки
из бедной моей головы,
но там уже мало осталось
премудростей всяких, увы,
но в сердце есть самая малость.

Сердечная боль всё острее.
Излить бы страданье наружу
и спеть бы на кончике дней,
да так, чтобы тронуло душу.
Да так, чтоб она замерла
от мудрого точного слова,
а я бы опять обрела
надёжную жизни основу.

Оглушённые мысли

От тишины закладывает уши,
и хочется мне топтать, и кричать.
При шуме мысли собственные глуше,
и от чужих их трудно отличать.

Они от словоблудья уползают
в пещеры мозга и таятся там.
И новость неожиданная, злая
ужом ползёт туда по их следам.

А в тишине все на простор стремятся,
и вкривь и вкось бегут, вперёд и вбок.
Беда — с собою в тишине остаться,
хотя, я не одна, со мною Бог.

Аномальная жара

Снять бы неподъёмную плиту
зноя, бурь магнитных и давленья.
Дождик высыхает налету,
не приносит людям избавленья.
Как от напряжения искрит.
Что с погодой? Просто наважденье,
или зной, пожары, лес горит,
или льёт и льёт до наводненья.

Нас пугают градом и грозой,
а ещё неведомым торнадо.
Где наш дождик ласковый, косой,
светлый и грибной, какой нам надо?
В мире столько ненависти, зла —
этим силы выси недовольны.
А быть может, пепел и зола —
это климатические войны?

Светлая седмица

Суета и хлопоты,
дел невпроворот.
То одно прохлопал ты,
то наоборот
сделал что-то лишнее,
не о том радел,
и скворчишь яишнею
на сковороде.

Неудачи-промахи
скроет новый день.
Аромат черёмухи,
белая метель.
Песни, развлечения,
пирамиды слов.
Мчишься по течению
праздничных столов.

Всё не то, что надо нам,
в жизни смысл в ином...
В храме пахнет ладаном,
хлебом и вином.
Светлая седмица

и пасхальный глас.

На год плащаница
спрятана от нас.

Птичий переполох

Тенистый сад с отдушинами в кронах,
пятнистый, словно золотой олень,
он в трелях птиц и в голубиных столах,
в пророчествах кукушки целый день.
Ещё петух соседский донимает,
а иногда всеобщий птичий грай,
когда дозором ястреб пролетает,
и птицам страшно за уютный рай.

Тогда пичуги, разные такие:
зарянки, трясогуски, воробьи,
взлетают стаяй, яростные, злые,
и, кажется, кричат: «Лови, лови!».
И даже кошка, хищно изгибаясь,
на ястреба шипит, раздув бока.
И ястреб, изумлённо озираясь,
уходит по спирали в облака.

Три чувства

Утро в праздничном платье
машет веером-спектром.
Море вышито гладью
и проглажено ветром.
Над волнами восходит
пестрокрылое лето.
А всего-то в природе
только три моноцвета.
Красным, жёлтым и синим
все составлены краски.
И легко, без усилий
мир расписан, как в сказке.

Есть всего-то три чувства,
иль отсутствие оных.
Сочетать их — искусство.
Три извечно знакомых.
Это Вера с Надеждой
и сестрою Любовью,
остальное всё между
сном, восторгом и болью.
Три кита, три основы,
три луча, и рассеются

все обиды и стоны,
коль стоит на них сердце.

Цирк «солей» теней и света —
мир, ведь он таков.

Варятся в бульоне лета
клёцки облаков.

Где-то там песчинки-птицы...

Не понять с земли,
то ли в небесах синицы,
то ли журавли.

Птиц небесных легкокрылых
мне не уцепить.

Попугайчик есть, чтоб было
с кем поговорить.

Тёмен памяти колодец,
пот течёт со лба.

Сердце как канатоходец,
а манеж — судьба.

Всё в зелёном

Стих звук стихов, речей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.